

Экран и сцена - 1999 - май (№ 19-20) - с. 14, 15

«Осажденные»: после мировой премьеры

— В рекламных материалах сообщается, что поначалу «Осажденные» планировались как телевизионный фильм.

Б.Б. Да, по предварительным расчетам фильм должен был идти около часа. Но у меня всегда были нелады с экранным временем. Если планирую двухчасовой фильм, он будет идти 3 часа, если я хочу снять фильм на 2 часа 30 минут, он будет идти 4 часа. Естественно, телевизионный формат, то есть длина в один час, у меня превратился в полтора часа. Когда продюсеры из Mediaset посмотрели черновой монтажный вариант, который шел полтора часа, они сказали, что его стоит показать в кинопрокате. Но это приключение не состоялось бы без моей жены...

К.П. Лет двенадцать назад я прочитала рассказ Джеймса Ласдена, по которому поставлен фильм. Я даже встречалась в ту пору с Ласденом, потому что у меня была идея самой поставить фильм по его рассказу. Увы — мне не удалось собрать средств на постановку: все считали, что это слишком хрупкая конструкция для полнометражного фильма. А когда Бернардо искал идею для телефильма, я вспомнила про этот рассказ и мы вдвоем написали сценарий.

— Вы подгоняли сюжет под свои идеи или послушно шли за автором?

Б.Б. В рассказе Ласдена все было иначе. Действие происходило в Лондоне. Мужчина был намного старше девушки и она была беженкой из латиноамериканской страны. Но я уже ставил фильм о взаимоотношениях немолодого мужчины и юной девушки. И к тому же мне не хотелось смотреть, как мужчина моего возраста будет возбуждаться при виде молодой красавицы! (смех). Поэтому мы с Клар сильно изменили эту историю. Кстати, это большое преимущество — возможность проводить с сценаристом-соавтором не только дни, но и ночи (смех). Мы омолодили мужчину и сделали девушку беженкой из Африки, потому что в Италии их сейчас очень много. И чтобы уж окончательно добить автора, мы перенесли действие в Рим! (смех)

— Что привлекло вас в истории «Осажденные»?

Б.Б. Это необычная история любви. Мне хотелось уловить национальные особенности героев — при том, что оба они в Риме иностранцы — на уровне запахов и инстинктов. И показать Рим не как Вечный город с его туристами и достопримечательностями, а как место встречи.

— Но при этом действие не выходит за дверь дома.

Б.Б. Этот дом находится в самом центре самого посещаемого города в мире. Мне хотелось вывернуть наизнанку принцип «короля играет окружение». Здесь король играет свое окружение: мне хотелось ощутить город, не выходя за стены дома.

К.П. Этот дом с его спиральной лестницей с самого начала задумывался как один из главных героев фильма. Он — как остров. Два человека

Фильм «Осажденные» Бернардо Бертолуччи рассказывает о любви богатого пианиста (Дэвид Тьюлис), живущего в Риме, и оказавшейся в его доме на правах служанки девушки (Тэнди Ньютон), бежавшей из африканской страны, где царит жестокая диктатура. Минималистский фильм, в котором почти нет диалогов и все действие происходит в одном доме, как жетса аскезой, которую наложил на себя режиссер после эпических полотен «Последний император» и «Маленький Будда».

Бертолуччи и его постоянный соавтор Клар Пенлоу рассказывают о работе над фильмом.

оказываются отрезанными, изолированными от мира. Поначалу они также изолированы друг от друга из-за того, что у них сложилось изначальное предубеждение друг к другу. Дом — это еще и убежище. Герой — преподаватель музыки, у него нет друзей, есть только ученики. А девушка видит, что он богат — ведь он живет в красивом старинном доме, с утра до вечера сидит за нотами и не работает — следовательно его можно и нужно эксплуатировать. Но когда она открывает любовь в его душе — любовь, которая становится для него саморазрушением, когда она понимает масштаб его самопожертвования, — это изменяет ее взгляд на жизнь.

— Что для вас главное в этой истории?

К.П. Это история страсти. Когда в начале фильма мужчина пытается прикоснуться к женщине, он делает это так неловко и в такой неподходящий момент, что после этого он боится позволить себе малейший жест любви. Все сказано в этой первой сцене. Это смешно и вместе с тем ужасно трогательно.

Б.Б. Мой любимый режиссер — Ренуар. Он умел сделать волнующими самые тривиальные вещи. Все режиссеры ищут эмоции — даже самые циничные, даже те, кто снимает только боевики. Потому что в кинозале зрители становятся участниками коллективного ритуала — это почти причастие. Как только в зале гаснет свет, эмоциональное напряжение растет, оно почти осязаемо.

— Как проходили съемки?

Б.Б. Мне сразу же понравился вызов, заключенный в этой авантюре. Я снова снимал фильм на очень малом бюджете, чего со мной очень давно не приключалось. У нас была очень маленькая съемочная группа, мы снимали 28 дней в Риме и еще 4 дня в Кении, где отсняли африканские сцены. У меня было чувство, словно я

вернулся в эпоху «Стратегии паука» и «Конформиста». Я снова почувствовал легкость и свободу. Например, я снимал один кадр, и он требовал следующего, а тот, в свою очередь, следующего. Порой мне удавалось снять по 20-30 план-кадров в день, как в старые времена. Не было давления ответственности за огромную группу и деньги, не было сложных организационных проблем, которые преследовали меня со времени «Двадцатого века». Нет, еще раньше, со времени «Последнего танго...». «Большие» фильмы сменили статус режиссера-автора на статус международного постановщика. Меня словно продавали на аукционе. Я стал снимать очень дорогие голливудские фильмы. Финансировал их не Голливуд и снимались они не в Голливуде, но по духу были абсолютно голливудские. Приключение с «Осажденными» оказалось очень стимулирующим и взбадривающим. Я бы даже сказал — омолаживающим!

— Вам не хочется провести параллели между вашей творческой судьбой и потрясениями, которые сегодня переживает кино?

Б.Б. Совершенно верно! Кстати, недавно я написал статью для одного фестивального каталога — она называется «Конец века, конец кино». Причем это не вопрос, а утверждение. Кино пережило радикальную мутацию — эстетическую, нарративную и технологическую. Это вынуждает меня задавать себе вопросы относительно структуры и формы, относительно самого себя. Надеюсь, я ответил на некоторые вопросы фильмом «Осажденные». Например, я вернулся к истокам кино, его немому периоду. В фильме не случайно так мало диалогов. Я прошелся по истории кино — и заодно по собственной истории — для того, чтобы снова стать современным.

— Что для вас есть современность?

Б.Б. Сегодняшние молодые режиссеры — такие, как Уон Кар-вай, Цай Мин-лян, Тарантино — они живут в настоящем. Меня поражает то, что им не нужно вживлять героев в реальность, награждая их прошлым. Их герои существуют здесь и сейчас. Эта дерзость впечатляет. Когда я был в их возрасте, мое настоящее было тесным образом увязано с прошлым и сильно зависело от моих воспоминаний, моих корней, моей культуры. А у них — нет. Такое восприятие реальности для меня ново. Оно очень расковывает.

— Почему вы выбрали на главные роли двух англичан — Дэвида Тьюлиса и Тэнди Ньютон?

Б.Б. Дэвид Тьюлис очень понравился мне в фильме «Нагие» Майка Ли. Когда мой директор по кастингу предложил мне его, я решил, что это отличная идея. Конечно, для Дэвида это было нелегко — сыграть героя без пролетарских корней. Более того, я хотел, чтобы он создал вокруг себя атмосферу таинственности. Я очень люблю сцену, когда он уже продал скульптуры, картины, ковры, все остальные украшения, и девушка подходит к нему с пылесосом и говорит: «Здесь больше нечего пылесосить», — и он отвечает: «Да, я знаю». На женскую роль я пробыл в Лондоне многих актрис. Тэнди Ньютон в то время закончила сниматься в «Возлюбленной» Джонатана Демми, с которым я дружу. Я позвонил Джонатану, и он очень рекомендовал мне обратиться на нее внимание. Я встретился с Тэнди и удивился — зачем Джонатан рекомендовал мне эту очень красивую, очень хорошо образованную, очень утонченную женщину? Я сказал ей, что мне нужна более «сырая» актриса, более похожая на простую африканку по внешности и повадкам. Она сказала, что ее мать родом из Зимбабве, и что это ее работа — найти нужного африканский акцент, с которым она никогда раньше не говорила, повадки, которые